

Памяти Н. В. Бражниковой (1975–2000)

А. А. Пичхадзе

О происхождении славянского перевода Хроники Георгия Амартола

Вопрос о происхождении древнейшего славянского перевода Хроники Георгия Амартола (Временника) относится к числу дискуссионных. Известно, что перевод возник не ранее 963 г. (в греческом оригинале Хроники упоминается царствовавший в 963–969 гг. император Никифор Фока) и не позже середины XI в., когда славянский текст был использован составителем Хронографа по великому изложению [Творогов 1975: 11, 46–73; Франклин 1988: 325–326]. Временник сохранился в 16-ти списках, древнейшие из которых — Троицкий XIII–XIV вв. и Эрмитажный XIV(–XV?) вв. — содержат текст не полностью: изложение обрывается в них на V соборе [Водолазкин 1992; 1993]. Все списки принадлежат к одной редакции; разночтения, отмеченные в списках, возникли стихийно при переписывании; с греческим оригиналом текст не сверялся.

И. И. Срезневский отметил наличие русизмов в переводе (например, слов **гридь** «дружинник», **похригати** «подвергнуть поруганию», **пъртити** «тратить», **сѣни** «портик») и заключил, что текст дошел до нас безусловно в русской редакции, однако первоначальный перевод мог быть как болгарским, так и русским [Срезневский 1867: 20–21]. Чуть позже, вскользь коснувшись вопроса о месте возникновения памятника, А. И. Соболевский высказал предположение, что перевод был сделан в Болгарии в Симеоновскую эпоху и затем отредактирован на Руси по греческому оригиналу, — этим объясняется существование ярких южнославянизмов и ярких русизмов в Хронике [Соболевский 1897: 61; 1910: 177]. Эту точку зрения поддержал впоследствии М. Н. Сперанский [Сперанский 1914: 210], а затем и А. Достал [Dostál 1963: 380–383].

В 1920–1930 гг. В. М. Истрин осуществил полное издание Хроники [Истрин 1920, 1922, 1930], сопроводив его подробным исследованием. Ученый пришел к выводу, что памятник был переведен

на Руси. В качестве обоснования этого вывода он привел следующие аргументы: в тексте встречаются полногласные формы, глаголы с приставкой **вы-**, патронимы с суффиксом **-ичь**, глоссы с употреблением русизмов (в том числе глоссы **козары** к **Скоуфина** и **Белоуны** к **Фесалонки**), греческое сочетание $\mu\beta$ передается славянским **мв**, пророк Магомет именуется **Бохмитъ**, в качестве названия Босфорского пролива выступает скандинавское заимствование **Содъ**, в рассказе о нападении Руси на Царьград при императоре Романе греч. $\tau\acute{\omicron}\nu$ $\Phi\rho\acute{\alpha}\gamma\gamma\omega\nu$ переводится как **варажъскъ** [Истрин 1920—1930 II: 275—293]. Однако главным свидетельством в пользу древнерусского происхождения перевода В. М. Истрин считал употребление в нем слов, известных только восточнославянским текстам. Ученый указал целый ряд лексем, которые он считал специфически восточнославянскими, в частности: **вѣдоуниа** «занимающиеся колдовством», **говоръ** «клевета», **гридь** «воин, дружинник», **гридиги** «состоять на военной службе», **комоница** «кобылица», **кърста** «рака, гроб», **коубара** «ладья», **намълвиги** «порицать», **одвьрик** «притолока», **оладь** «судно», **осада** — военный термин, **съльва** «посольство», **съмълвиги(са)** «уговориться», **сѣни** «портик», **трьпастъкъ** «обезьяна», **трьпастъчьнь** [Истрин 1920—1930 II: 298—305]. Остальные слова из перечня В. М. Истрина, согласно данным словарей, встречаются в памятниках болгарского происхождения или в болгарских диалектах.

В рецензии на издание В. М. Истрина Н. Н. Дурново отметил, что число русизмов в Хронике невелико, однако ввиду бесспорного их наличия предположил совместное участие русских и болгарских переводчиков в работе над текстом [Дурново 1925: 459—460; Дурново 1930: 814]. Подробной рецензией на издание откликнулся также П. А. Лавров. Он указал несколько форм, которые могли бы свидетельствовать о болгарском протографе Троицкого списка: **тысющъ** 141, аорист 3 л. мн. числа **шврѣтоу** 62, а также случаи отражения мены юсов (**патрова** 151, **ѿ Поуфию** 38, **ѿ марманю и тихию** 74). Однако для памятника такого большого объема, в котором к тому же довольно часто один падеж ошибочно употребляется вместо другого, эти примеры предполагаемой мены носовых едва ли показательны. Справедливо заметив, что многие из слов, которые В. М. Истрин считал русизмами, встречаются в болгарских памятниках (в том числе **Бохмитъ**), П. А. Лавров тем не менее подтвердил наличие в тексте несомненных русизмов, принадлежащих, по его мнению, позднему редактору [Лавров 1925, 1926]. П. А. Лавров обратил внимание на болгаризмы в переводе Хроники (в том числе на южнославянское название города Адрианополя **Одринъ**, зафиксированное уже в Енинском апостоле), однако подавляющее большинст-

во указанных им слов [Лавров 1925—1926: 480—482] можно обнаружить в восточнославянских памятниках и диалектах. П. А. Лавров допускал моравское происхождение перевода, но среди лексем, которые он привел в качестве доказательства (**веледѣшь**, **гѣдовабль** «шелк», **глаголь** «речь, язык», **застоупѣ** «отряд войска», **кра** «льдина», **примостѣ** «помост», **ситник** «тростник», **оумълавити** «уговорить», **сѣни**), нет ни одной, имеющей исключительно западнославянское распространение.

Еще одна гипотеза — о том, что Хроника была переведена болгаринном на Руси, — принадлежит М. Вейнгарту [Weingart 1922—1923 II: 88, 91—95]. Вполне правдоподобная с историко-культурной точки зрения, эта гипотеза осталась не обоснованной в языковом отношении: лексические данные, на которые ссылался М. Вейнгарт, фиксируются в памятниках как болгарского, так и восточнославянского происхождения [Дурново 1930: 809]. На это указал в рецензии на книгу М. Вейнгарта В. Розов, допускавший, что перевод сделан русским книжником [Розов 1925: 367—368]. С. Франклин, не считая вопрос о месте возникновения перевода решенным, подчеркнул тем не менее его связь с Киевской Русью, отметив, в частности, ошибку переводчика: **Црь же Никифоръ... таче на Българы вовѣавъ... тако и глѣмаго двора кнѣзѣ ихъ Аптокроумла пожещи** (τοῦ ἀρχηγοῦ αὐτῶν Κροῦμνου); действительно, «трудно себе представить, что болгарский переводчик не узнал бы имя знаменитого болгарского князя Крум» [Франклин 1988: 330]. Это замечание, кажется, остается на сегодняшний день самым сильным доводом против авторства болгарского переводчика.

Безусловно, рецензенты В. М. Истрина были правы в том, что не все его аргументы в пользу русского происхождения памятника надежны. В. М. Истрин сам считал необходимым с осторожностью подходить к полногласным формам и отмечал, что патронимы с суффиксом **-ичь** встречаются в Хронике Иоанна Малалы, переведенной в Болгарии в X в. Разумеется, передача греческого сочетания **μβ** славянским **мб** не является восточнославянской особенностью [Дурново 1925: 453; Лавров 1926: 671—672]. Принадлежность глосс первоначальному переводу может быть поставлена под сомнение [Лавров 1926: 673—677]. Рассказ о нападении Руси на Царьград с переводом **τῶν Φράγγων** как **варажскъ** в заключительной части Хроники, сохранившейся в списках не ранее XV в., мог подвергнуться влиянию летописи [Дурново 1925: 457].

Наиболее надежным аргументом в дискуссии о месте перевода остается лексика памятника. Данные современной лексикографии заставляют во многом пересмотреть перечни болгаризмов и русиз-

мов, составленные И. И. Срезневским, В. М. Истриным, Н. Н. Дурново, П. А. Лавровым. Учитывая материал современных словарей и изданий памятников, к числу болгаризмов можно с большой степенью надежности отнести следующие лексемы (слова, отмеченные только в глоссах, не принимаются во внимание):

БАЛЬСТВО φάρμακον «лекарство» 223, **НА БАЛЬСТВО** ἀλεξίκακος 494, **ОУБАЛЬСТВОВАТИ** (вариант в позднейших списках **ОБАЛЬСТВОВАТИ**) περιύγεισθαι «уврачевать» 214, **БАЛОВСТВО** φάρμακον «отрава» 374. Словари фиксируют производные с этим корнем в значениях «исцелять», «снадобье» только в памятниках болгарского происхождения: Огласительных поучениях Кирилла Иерусалимского, Поучениях Константина Болгарского, Толковом Апокалипсисе, XIII Словах Григория Назианзина [Срз. I: 40]. Правда, в Лаврском пятикнижии XIV в. в Исх. VIII 3 отмечен вариант **БАЛОВАНЬЕ**^Ϟ ταῖς φαρμακείαις, в то время как в остальных русских списках читается **ВЪЛУХОВАННИКМЪ**, а в южнославянских **ЧАРОВАННИКМЪ**. Лаврский список содержит особую редакцию Пятикнижия, вероятно, возникшую на Руси. Вариант **БАЛОВАНЬЕ**^Ϟ в Исх. VIII 3, очевидно, возник под влиянием параллельных мест: например, в Исх. VIII 14 Лаврское пятикнижие, как и южнославянские списки, имеет чтение **БАЛОВАННЕМЪ** ταῖς φαρμακείαις. Однако не исключено, что вариант восходит к несохранившемуся южнославянскому протографу.

БЪШНЮ «совершенно», соответствует 23-м греческим лексемам. Это наречие, чрезвычайно частотное в Хронике, встречается только в памятниках болгарского происхождения или в текстах, где наряду с русизмами присутствуют и болгаризмы [Пичхадзе 2000: 105].

ГЪРНЫЛЬСТВОВАТИ χωνεύτος 294. Помимо Хроники, этот глагол, означающий «отливать в печи», отмечен только в древнейшем переводе Повести о Варлааме и Иоасафе. Обычно как в южнославянских, так и в восточнославянских памятниках употребляются термины **ЛИТТИ**, (**СЪ**)**ЛИНАТИ** [Срз. II: 24, 35; III: 734; СлРЯ XI—XVII 8: 242, 262; Златанова 1998: 214, 225]. Глагол является производным от существительного **ГЪРНЫЛЬ** «горнило», неоднократно зафиксированного в древнеболгарских текстах и совершенно не известного памятникам восточнославянского происхождения [Пичхадзе 2000: 106—107].

ЗАПОВАДИТИ ἀναζεγγύναи 200, **ВЪСПОВАДИТИ** ἀναζεγγύναи 296, **ПРИЗАПОВАДИТИ** παραζεγγύναи 505 — все со значением «запрячь». Из близких образований известны только **ВЪПОВАДИТИ** «запрячь колесницу» в библейских текстах (Паримейник, 3 кн. Царств, см.: [Bláhová 1999: 247]) и **ЗАВАДИТИ** **КОЛЕСНИЦЮ** ἀναζεγγύναи в Повести о Варлааме и Иоасафе [Лебедева 1985: 203].

изноуриги «украсть» 152, **συλᾶν** «огрбить, обчистить» 176, **неизноуренъ** ἄσυλος 327, **неизноуримъ** ἄσυλος 402, **оуныреник** κλοπή «грабеж» 222, **оуноурьць** τοιχωρῶχος «грабитель» 75. Глагол **оунырити** «присвоить, похитить» и причастие **неоуныримъ** «такой, который невозможно украсть» встречаются в Повести о Варлааме и Иоасафе, **неизноуримъ** «такой, который невозможно украсть» — в Путятиной минее XI в. [Пичхадзе 2000: 107—108].

инонравьнъ ὁμοτρόπος 263, **инопогасьць** μονόζωνος 183, **иносельникъ** σύνοικος 166, **иногадьць** συνέστιος 166. Эти сложные слова не зафиксированы нигде, кроме Хроники. В древнерусских текстах значение «единственный, единый, тот же самый» у основы **ино-** представлено только в сложении **иноходъ(ць)**, а также в церковнославянизмах **иннокъ**, **иннорогъ** и **инночадъ**. Напротив, старославянские и древнеболгарские памятники употребляют его достаточно активно: ср. **инногласьно** «единогласно» в служебной Минеее XI—XII в. [Верецагин 2000: 18], **иннодоушьно** «единодушно» в Супрасльской рукописи, **инномысьнъ** «единодушный», **инномышленик** «единомыслие» в Синайской псалтыри, **инномысьнын** μονότροπος «имеющий одинаковый образ мыслей» в Пандектах Антиоха XI в., **инноплоть** «сплошь» в Златоструе XII в., **инностанъ** «постоянно» в Супрасльской рукописи, Изборнике 1073 г. и Житии Нифонта по списку 1219 г., **инностаньнын** «постоянный» в Супрасльской рукописи и Изборнике 1073 г., **иннотажъ** «постоянно», **иннотажьнын** «постоянный» в Шестодневе Иоанна Экзарха [Срз. I: 1104—1106].

отълогъ λείψον «луг» 246, 568. В этом значении, помимо Хроники, в служебных минеях XI в. [СлРЯ XI—XVII 13: 259].

таимичичъ «незаконнорожденный ребенок» 134. Отмечено в Хронике Иоанна Малалы и в Лествице Иоанна Лествичника [Срз. III: 913].

тимѣник «грязь» βόρβωρος 78, 238, ὕλη 357. Хорошо представлено в старославянских и болгарских текстах; в русских памятниках появляется изредка в аллюзиях на текст Псалтыри и Апостола [Пичхадзе 2000: 105—106].

троутъ στίφος (в Троицком списке в искаженной форме **троуѣ**) «воинство, полчище» 500. Кроме старославянских памятников — Клоцева сборника и Супрасльской рукописи, зафиксировано только в Гомилиарии Михановича [Miklosich 1014] и Повести о Варлааме и Иоасафе [Лебедева 1985: 198, 231 — оба раза в искаженной переписчиками форме **троудъ**].

оурѣснити «удостоверить» πληροφορεῖν 343, 381, βεβαλοῦν 550, διαβεβαλοῦν 513, καθίστάειν 531, πείθειν 525. Производные с корнем **рѣсн-** фиксируются в текстах моравского, македонского и болгарско-

го происхождения [Львов 1966: 135—137; Hauptová 1978: 25—26], а также в восточнославянских текстах, восходящих к южнославянским оригиналам: Толстовской псалтыри с Толкованиями Афанасия Александрийского XI—XII вв., служебных Минеях XI в., Ефремовской кормчей XII в. и в списках Апостола [Срз. III: 222—223]. В списке XV в., содержащем русскую редакцию Шестоднева Иоанна Экзарха, один раз встречается прилагательное **рѣснотивьныи** там, где в остальных списках, в том числе и в сербском 1263 г., читается **истиньныи** [Баранкова 1998: 37, 346]. Изредка производные с корнем **рѣсн-** отмечаются в текстах русского происхождения, возникших после второго южнославянского влияния [СлРЯ XI—XVII 22: 147].

чесновитѣкъъ *skórđov* «чеснок» 63. Зафиксировано в библейской книге Числ, в Поучениях Ефрема Сирина [Срз. III: 1503] и в Повести о Варлааме и Иоасафе по Креховскому списку, содержащему версию древнейшего перевода [Лебедева 1985: 221]. Продолжения праслав. **česnovъ*, **česnovitъjъ* известны только в южнославянских языках [ЭССЯ 4: 88—89].

Возможно, болгаризмом является глагол **изатовати** «вырывать» 329, не зафиксированный нигде, кроме Хроники. Словообразовательную параллель к нему представляет глагол **принатовати** «принять», зафиксированный в служебных Минеях 1096 г. и в Похвале Онуфрию [Срз. II: 1506].

Могла ли эта лексика быть усвоена восточнославянским книжником, хорошо знакомым с древнеболгарским языком? Такое предположение теоретически допустимо по отношению к частотным словам (например, таким, как **бѣшию**), но маловероятно по отношению к словам, которые засвидетельствованы в древнеславянской письменности единичными фиксациями, — таким, как **гърныльствовати** или **трорѣтъ**. Трудно представить себе, что восточнославянский переводчик мог свободно использовать в качестве продуктивного словообразовательного элемента в сложениях основу **ино-** со значением «тот же самый», если в древнерусском языке это значение сохранялось только в отдельных реликтах (слова из Хроники с **ино-** в указанном значении не зафиксированы в других памятниках — судя по всему, они были образованы самим переводчиком). Показательно, что некоторые из перечисленных слов входят в состав словообразовательных рядов: **бальство** — **баловство** — **оубальствовати** (**обальствовати**), **заповадити** — **призаповадити** — **въсповадити**, **изноурити** — **неизноуренъ** — **неизноуримъ** — **оуныреник** — **оуноурецъ**, причем многие производные (**баловство**, **оубальствовати/обальствовати**, **въсповадити**, **призаповадити**, **оуноурецъ**, **оурѣснити**) не отмечены

нигде, кроме Хроники. Все это указывает на живое — не книжное — знание переводчиком древнеболгарского языка. Частотное употребление в переводе Хроники слов **бъшию**, **оурѣснити** и производных с корнем **бал-** «лечить», «снадобье», причем в соответствии с разнообразными греческими синонимами, по-видимому, опиралось на устойчивый узус, который мог быть присущ древнеболгарскому, но не древнерусскому языку. Вероятнее всего, болгарский язык был для переводчика родным. Это заключение, вытекающее из анализа лексики памятника, хорошо согласуется с гипотезой М. Вейнгарта о том, что перевод Хроники выполнен болгарским переводчиком на Руси.

С болгарскими памятниками Хронику сближает систематическое употребление слов **выспрь** «наверху», **выспрьнии**, наречия и предлога **искрь** «рядом, близ» — в восточнославянских памятниках это слово встречается лишь спорадически. Наконец, показательна высокая частотность прилагательного **изащънъ** «изрядный, исключительный, замечательный» и существительного **къзнь** в его исходном, лишенном пейоративной окраски, значении «искусство, умение» (ἔντεχνος 28, ἐπιστήμη 72, ἐπιτήδευμα 32, τέχνη 62 и др., с **кознию** ἐπιστημόνως 165, с **кознию съдѣлати** μηχανεῖν 138).

Поскольку лексика болгарского происхождения активно использовалась в восточнославянской письменности, выделение в церковнославянском тексте болгаризмов, т. е. слов, не освоенных древнерусским литературным языком, является задачей еще более трудной, чем выделение в нем русизмов. Возможно, именно по этой причине перечень болгаризмов, обнаруженных в Хронике П. А. Лавровым, практически полностью устарел, в то время как список русизмов, составленный В. М. Истриным, в большой своей части сохраняет научную значимость и по сей день. Русизмы в Хронике по числу лексических единиц превосходят болгаризмы, что и привело В. М. Истрина к выводу о древнерусском происхождении перевода. В отличие от болгаризмов, русизмы Хроники легко разбиваются на тематические рубрики:

<i>Воинская лексика</i>	<i>Реалии</i>	<i>Животные</i>
грѣди ἐταπεινά 529, 543, грѣдиги στρατεύεσθαι 361	воумажъникъ πῖλος 521	грѣнь κῶων 37 (в позднейших списках, в Троицком лакуна), 253 (bis)
гробѣѣ φάραγξ 142, χάραξ 187, 265, 266	жюковина δακτύλιος 343	комоница ἵπλοι θήλειαι 145

осада 267, 279	κλακοῦλ κώδων 43, 140 (bis), κλακοῦλννн τῶν κωδῶνων 141	τρῦπαστῦκῦ 63, 143, 490, τρῦπαστῦчннῦ πιθῆκειος 492
сѣстоупъ πόλεμος 547, συμβολή 183, σύμβολος 183, сѣстоупити 39, 183, сѣстоупитисл 200	κοῦβαρα νοῦς 143, 363 κῦρστα λάρναξ 531, σορός 387 οδῦρник θύρωμα 139, 140 ολλῦδ τριήρης 478, 557, 561, 567, 568 сѣни ἡλιακός 531 οῦшьвьць ἐπιρριπτάριον 545 шьлокῦв σηρικός 562	οῦγῦρῦ ἔγγελος 342, κέλυφον 55, οῦγῦρῦно- οβразннῦ κοχλοειδής 139 οῦжῦ σμήρινθος 57

Вероятно, в одном ряду с воинской терминологией следует рассматривать конструкции с союзом **въ**, обозначающие численность воинского отряда: **въ малѣ дружинѣ** σὺν ὀλίγοις 341, 371 и др.; **въ малѣ** σὺν ὀλίγοις 466; **въ трехъ стѣхъ** μετὰ τ' 114; **въ тысящи коньникъ .к.** μετὰ χιλιάδας ἰπλέων κ' 203; такие конструкции характерны для русских летописей и, кажется, не отмечены в южнославянских текстах (сюда не относятся выражения типа **встанеть въ числѣ малѣ** ἐν ἀριθμῷ βραχεῖ 275 в цитате из Второзакония, где **въ** передает греческое ἐν).

К названиям реалий примыкают **пазъ** — в форме мн. ч. **пазове** — «солея, возвышение перед алтарем» 494, **кра** «льдина» 479, **вьрста** μέλιον — мера длины 142 и название Босфорского пролива **Богдъ** 479, 503, 511 и др.

Среди указанных слов есть заимствования из скандинавских (**гридь** «дружинник») и финно-угорских (**кърста** «рака») языков. По-видимому, иранского происхождения слово **боумага** «хлопчатобумажная ткань, войлок», не известное за пределами восточнославянского ареала; в памятнике употреблено производное от него **боумажникъ**. Эти слова зафиксированы исключительно в оригинальных древнерусских текстах, как и большинство перечисленных в таблице: **гробла** «ров», **комоница** «кобылица», **кра**, **коубара** «судно», **оллдь** «судно», **осада** как военный термин, **пазъ**, **сѣстоупъ** «схватка, сражение» и производные, **сѣни** «портик, крыльцо».

Несколько слов, помимо оригинальных древнерусских памятников, встречаются в переводах, выполненных на Руси или содержащих русизмы: **жюковина** «перстень» — в цикле сказаний о Соломоне и Китоврасе и в Девгениевом деянии [СлРЯ XI—XVII 5: 124], **одвьриѣ** «притолока, дверная рама» — в 16 Словах Григория Богослова с Толкованиями Никиты Ираклийского и в Истории Иудейской войны Иосифа Флавия [СДЯ XI—XIV VI: 82; СлРЯ XI—XVII 12: 265; продолжения только в севернославянских языках, см.: ЭССЯ 26: 172], **оушьвѣ** «головное покрывало» — в Чудесах Николы, книге Есфирь и Сказании о св. Софии [Срз. III: 1345], **шьакъ** и производные — в Христианской Топографии Козьмы Индикоплова, Пандектах Никона Черногорца и книге Есфирь. **Гричь** «пѣс», кроме Хроники, засвидетельствовано в Житии Андрея Юродивого и Хронографе 1512 г.; родственные слова обнаруживаются только в севернославянских языках [Молдован 2000: 86]. Существительное **клаколъ** в славянизированной форме (в оригинальных древнерусских текстах и в Истории Иудейской войны Иосифа Флавия **колоколъ**) фиксируется в Христианской Топографии Козьмы Индикоплова — как и в Хронике, в описании ризы первосвященника [Срз. I: 1213]; помимо восточнославянских языков, продолжения праслав. **kolkol* известны только в полабском [ЭССЯ 10: 137—138]. Название обезьяны **трьпастъкъ** отмечено в Житии Андрея Юродивого, Пандектах Никона Черногорца, Христианской Топографии Козьмы Индикоплова [Срз. III: 1017—1018, 987] а также — в форме **трипѣскъ** (РНБ, Соф. № 1365, XIV—XV вв., л. 102) — в сербском переводе Повести о Варлааме и Иоасафе, где появилось, по-видимому, под влиянием первоначального перевода [Лебедева 1985: 221], в котором имеются русизмы (см. ниже). Вероятно, именно к сербскому переводу Повести о Варлааме и Иоасафе восходит текст Исповедания о вере, цитируемый И. И. Срезневским под словом **трипѣскъ** [Срз. III: 998]. **Върста** как название меры длины из переводных памятников засвидетельствовано в Житии Андрея Юродивого, Толковом Евангелии Феофилакта Болгарского, Пандектах Никона Черногорца, Христианской Топографии Козьмы Индикоплова, Александрии [Срз. I: 462—463] и в Рязанской кормчей [СДЯ XI—XIV II: 267]. Рязанская кормчая 1284 г. представляет собой список Сербской кормчей св. Саввы. По мнению К. А. Максимовича, указавшего на начилие этого слова уже в древнейшем списке памятника — сербской Иловицкой кормчей 1262 г., **върста** относится к исконным русизмам Сербской кормчей.

Редкое в церковнославянской письменности **оугърь**, помимо Хроники, отмечено только в Христианской Топографии Козьмы Инди-

коплова [Срз. III: 1142], а **оужь** — в Дубенском сборнике XVI в.; оба родственные слова имеют продолжения во всех славянских языках кроме болгарского [Фасмер IV: 146, 150]. Однако ввиду слабой фиксации в древних памятниках их можно лишь предположительно квалифицировать как русизмы.

Кроме того, к числу русизмов Хроники следует отнести еще два слова терминологического характера: **съльба** «посольство» в выражении **солвоу творити пресъбеиѣν** 73 (зафиксировано в Договоре Олега с греками, в Истории Иудейской войны Иосифа Флавия и в Пчеле) и **похритати** «подвергать поруганию» 552 (отмечено в русских оригинальных текстах и в Житии Андрея Юродивого, **хритатиса** — в Огласительных поучениях Феодора Студита [Молдован 2000: 95, 96, 99]). Вероятно, русизмом является и название меры длины **сажень** ὄρυσι 55: слово широко употребляется в памятниках восточнославянского и сербского происхождения, в болгарском не засвидетельствовано [Фасмер III: 545].

Вместе со всеми перечисленными выше русизмами эти слова являются названиями реалий в широком смысле, куда наряду с собственно предметной лексикой входят названия мер, природных явлений и животных, а также терминология, относящаяся к военной и социальной сфере. Число русизмов за пределами этого круга в Хронике совсем невелико:

възвыше 195, 405, **въдължѣк...** **въширѣк...** **възвыше** «в длину... в ширину... в высоту» 141, **вътълъщѣк** «в толщину» 140, 141, 185. Наречия на базе компаративов с приставками **въ-** и **въз-**, помимо оригинальных древнерусских сочинений, отмечены в Чудесах Николы по сп. XII в., Христианской Топографии Козьмы Индикоплова, Истории Иудейской войны Иосифа Флавия, книге Есфирь, Повести об Акире Премудром и в Юрьевском прологе [Пичхадзе 1998: 483].

въдоуниа ὑπόστης «занимающиеся колдовством» 168 (дважды). Существительное **въдоуиъ** и производные от него (**въдоуииха**, **въдоуица**, **въдоуниа**) зафиксированы только в оригинальных восточнославянских текстах [Срз. I: 480; СДЯ XI—XIV II: 290; СлРЯ XI—XVII 2: 50].

польвати «испражняться» 159, 195. Помимо Хроники, только в Повести временных лет и в Житии Андрея Юродивого [Молдован 2000: 89—90].

пъртити «тратить». В использованных В. М. Истриным списках порча: **претать**, **претъта** [Истрин 1920: 428]; исходное чтение сохранилось в Уваровском списке 1456 г. [Срз. II: 1752] и в Летописце Еллинском и Римском по списку XV в. [ЛЕР 385]. Глагол **пърти-**

ти и его производные отмечены в оригинальных древнерусских текстах, а из переводных памятников — в Пчеле и Пандектах Никона Черногорца [Срз. I: 941, 1140; СДЯ XI—XIV III: 342; IV: 83—84; СлРЯ XI—XVII 6: 285; 17: 130].

тъска ζάλη 245, στενά 133, στενοχωρία 98, στενωσις 563, **сътъщитиси** μικροψυχέω 156 (в остальных списках **сътъсноути**си). Существительное **тъска** «печаль, удрученность» употребляется в оригинальных древнерусских текстах [Срз. III: 1057]; оно сохранилось в восточнославянских языках, а производные от него прилагательные со значением «тоскливый, боязливый» известны только восточно- и западнославянским языкам [Фасмер IV: 88]. Глагол **сътъсноути**си «разгневаться; быть удрученным», помимо летописей, отмечен в Житии Андрея Юродивого и Толковом Апостоле XV в. [Срз. III: 852], **сътъскоути** «огорчить, вызвать досаду» и **сътъщити** «стать в тягость» — в Истории Иудейской войны Иосифа Флавия. В древнеболгарском широко распространены глагольные производные, содержащие, по всей вероятности, тот же корень, но развивающие другую семантику: **тъщати** «торопить», **тъщатиса** «спешить, стремиться», **потъсноути**са «поспешить, устремиться».

хвостъ οὐρά 429. Помимо оригинальных древнерусских текстов, отмечено в Житии Андрея Юродивого и в Пчеле. Продолжения слова в болгарском неизвестны [Молдован 2000: 83—84].

Возможно, русизмом является глагол **лысноути**са «улыбнуться» 366. Приставочный глагол **оулысноути**са фиксируется в Житии Андрея Юродивого, Пчеле, Пандектах Никона Черногорца, Истории Иудейской войны Иосифа Флавия, Александрии, Житии Александра Македонского и Поучении, яко не достоин соблазнять брата и осужати, и о богатом из Златооструя XII в. [Срз. III: 1201]. Только в Житии Андрея Юродивого встречается **пролысноути**са «улыбнуться», причем в южнославянском переводе ему соответствует **оулкаавитиса** [Молдован 2000: 102]. Ср. **оулыскатиса** «улыбаться» в Житии Андрея Юродивого (отсюда и цитата из Пролога XIII в. в Срз. III: 1201).

У продолжений корня **mǝlv-* в Хронике преобладает значение «волнение, мятеж», хорошо представленное в памятниках болгарского происхождения: **млъва** ζάλη 418, θόρυβος 150, στασιασμός 40, στάσις 395, ταραχή 40, **млъвоу сътворити** στασιάζειν 340, **намлъвити** θορυβεῖν 323, **млъвоу творити** θορυβεῖν 423. Гораздо реже встречаются производные от этого корня со значением «говорить», характерным для севернославянских языков и почти не известным по древнеболгарским текстам [Пичхадзе 1998: 477—478]: **намлъвити** ονειδίξειν «порицать» 351, **размлъвленоу быти** διασκεδάξεσθαι «рас-

сориться» 541, **съмлъвѣтисѧ** «сговориться» λαλεῖν 467, συμφωνεῖσθαι 465, **оумлъвити** πείθειν «уговорить» 383.

Довольно частотны в Хронике образования с корнем **скокълъз-** «скользить», континуанты которого известны только в севернославянских языках [Фасмер II: 290, III: 646; ЭССЯ 13: 194–195]: **скокълъзеник** 135, **скокълъзновеник** 282, **скоколзе** 136, **скоколзъше** 302, **скокълъжати** 136, **скокълъзати** 330, **скокълъженик** 147. Помимо Хроники, производные с этим корнем встречаются в Пандектах Никона Черногорца, Пчеле и Повести о Варлааме и Иоасафе.

В Хронике несколько раз фиксируется глагол **пристронти(сѧ)** в значении «приготовить(ся), снарядить(ся)» 341, 466, 481, а также имперфектив **пристрагати** «готовить, снаряжать» 419 и производные существительные **пристрон** «снаряжение, оснащение» 509 и **пристрога** «то же» 132. Эти лексемы в указанном значении чрезвычайно частотны в восточнославянских оригинальных текстах и в переводных памятниках, содержащих русизмы (Иудейской войне Иосифа Флавия, Пчеле, Пандектах Никона Черногорца, Александрии, книге Есфирь [Срз. II: 1463–1466; СлРЯ XI–XVII 20: 37–41]). Напротив, в текстах южнославянского происхождения примеры единичны: зафиксировано только **пристрога** «приданое» в болгарском переводе Эклоги [СлРЯ XI–XVII 20: 41] и **пристрокник** «козни» в служебной Минее 1096 г. [Срз. II: 1464].

Как восточнославянскую особенность следует рассматривать употребление в Хронике глаголов с приставкой **вы-**. Надежными примерами употребления приставки **вы-** в древнеболгарских текстах мы не располагаем. Наличие глаголов с **вы-** в Синайской псалтыри (**выврѣци**, **выгонити**, **выгънати**, **выринжти**) объясняется редактированием текста на моравской почве [Lunt 1996: 284], а глагол **вынати** в древнерусском списке Синайского патерика XI–XII вв. мог появиться благодаря инициативе писца.

Число глаголов с приставкой **вы-** в Хронике невелико, что вообще характерно для восточнославянских переводных текстов, (например, в Житии Андрея Юродивого представлен только один глагол — **вынати**). Попытка Р. Станкова поставить под сомнение их наличие в первоначальном переводе [Станков 1994: 75–78] совершенно неубедительна. Можно считать достаточно надежными такие примеры, как **выклонитисѧ** 56, 136, 531, **вынати** 205, **выселити** 188. Еще три случая приходится на заключительную часть Хроники, сохранившуюся в списках не ранее XV в.: **вынисти** 526, **выскочити** 533, **высыпати** 475. Неясно причастие **вылаганыи** ἐξανδραποδιζόμενος «проданный в рабство» 130. Показательно, что ни один из этих глаголов не отмечен в старославянских памятниках, зато почти все они хорошо

засвидетельствованы в древнерусских текстах: **вынати** — в русских летописях [СДЯ XI—XIV 2: 247], **вынести** — в летописях и Русской правде, **выскочити** — в летописях, грамотах [СДЯ XI—XIV 2: 250] и Слове о полку Игореве, **выклонитиса** и **высыпати** — в Истории Иудейской войны Иосифа Флавия.

Наконец, не стоит упускать из виду, что В. М. Истрин отмечал наличие в Хронике глаголов с суффиксом **-ыва-/-ива-**, который является типично восточнославянским средством имперфективации: **выскакывати**, **извѣшивати**, **приписывати**, **рассказывати** и др. [Истрин 1930: XXXIII]. Разумеется, нельзя исключать позднейшей замены переписчиками исконного **-ова-/-ева-** на **-ыва-/-ива-**; тем не менее нет оснований полностью отвергать принадлежность форм с **-ыва-/-ива-** первоначальному переводу.

Общее число русизмов в Хронике настолько велико, что не остается сомнений: перевод был предназначен для восточнославянского читателя. Приведенные при примерах адреса решительно опровергают мнение [Bräuer 1959: 337—338], будто большинство русизмов фиксируется в последней части Хроники, сохранившейся в списках не ранее XV в. (в издании В. М. Истрина эта часть начинается со страницы 412). На заключительную часть приходится около трети всех перечисленных русизмов, что вполне соответствует ее объему (немногим менее трети текста). Стихийная русификация в позднейших списках, безусловно, имела место, однако масштабы ее были незначительны, как показывает проведенный В. М. Истриным анализ разночтений в первой части, сохранившейся в Троицком списке [Истрин 1922: 312—346]. В целом не подтверждается и наблюдение Г. Бройера о концентрации русизмов в отдельных фрагментах, якобы свидетельствующей о распределении частей текста между болгарскими и русскими переводчиками [Bräuer 1959: 339—341]. Правда, в отрывке на стр. 139—145 действительно сосредоточено большое число русизмов (**върста**, **гробла**, **одвьриѣ**, **клаколъ**, **клаколынн**, **комоница**, **коубара**, **оугърнообразынь**, **възвыше**, **въдължѣк**, **въширѣк**, **вътълщѣк**), однако это может объясняться случайностью или — как склонен был трактовать подобные случаи В. М. Истрин — нарративным характером пассажа. В остальном русизмы Хроники равномерно распределены по тексту и иногда соседствуют с болгаризмами на одном листе (**заповадити** и **състоупитиса** 200), в одном пассаже (**оурѣснити** и **выклонитиса**, чуть ниже **кърста** и **сѣни** 531; **инопопасьць** и **състоупъ**, **състоупити** 183) или даже в одной фразе (**чесновитъкъ** и **трьпастъкъ** 63).

Принадлежат ли русизмы Хроники первоначальному переводу или позднейшей редакции? Неоднократно высказывавшееся мнение

о том, что они появились в памятнике благодаря деятельности редакторов, чисто умозрительно: никаких следов текста, не содержащего эти лексемы, обнаружить не удалось. Кроме того, редактор едва ли стал бы вносить в текст выражения типа **въ малѣ дружинѣ**, **въ трехъ стѣхъ** или же **въгълщѣкѣ**, **въширѣкѣ** и т. п. Во всяком случае нет серьезных оснований сомневаться в том, что русизмы Хроники — также, как и болгаризмы — принадлежат первоначальному переводу.

Анализируя русизмы Хроники, нетрудно заметить, что подавляющее большинство их — не менее двух третей — относится к сфере реалий. Такое соотношение не характерно для древнерусских переводов: в Житии Андрея Юродивого названия реалий составляют не более трети от всех русизмов [Молдован 2000: 79—103], а в Истории Иудейской войны Иосифа Флавия — значительно менее половины. Существенно при этом, что почти все русизмы Хроники частотны в древнерусских текстах (редким, пожалуй, является лишь глагол **польвати** — возможно, потому, что он относится к физиологической сфере). Благодаря приуроченности преимущественно к сфере реалий и широкой употребительности в древнерусском языке эти слова могли быть усвоены иноязычным переводчиком, работавшим на Руси. Напротив, болгаризмы Хроники, не ограниченные тематически и в ряде случаев являющиеся редкими, реликтовыми образованиями едва ли представляют собой заимствования. Поэтому участие болгарского переводчика в создании славянской версии Хроники представляется несомненным, участие восточнославянского переводчика — допустимым, но необязательным. Во всяком случае, пока невозможно конкретизировать формы и степень участия древнерусского книжника в этой работе.

При решении вопроса о происхождении славянского перевода Хроники важно определить круг памятников, наиболее близких к нему в языковом отношении. В этой связи в первую очередь необходимо указать на Повесть о Варлааме и Иоасафе, которая была переведена с греческого не позже середины XII в. [Лебедева 1985: 87]. Как и в Хронике Георгия Амартола, в Повести встречаются русизмы наряду с болгаризмами. Правда, русизмов здесь немного: **кѣнорозъ** «кабан», **скотъница** «сокровищница», **волога** «лакомое блюдо, приправа», **сыга** «хмельной напиток», **трьпастѣкъ** «обезьяна» и, возможно, **скѣльзнуѣти**, **скокѣльзновеныи**, **колзаник**; однако есть основания приписывать употребление этих слов переводчику, а не позднему редактору [Пичхадзе 2000: 105]. Выше, в перечне болгаризмов, указывались лексические совпадения Повести и Хроники Георгия Амартола: только в этих двух текстах засвидетельствованы гла-

голы **гърныльствовати** и **оунырити** (или производное от него **оуныреник**), из всех памятников восточнославянского извода только в этих двух отмечены лексемы **троути** и **завадити** (**заповадити**). Среди лексических сходжений Хроники и Повести обнаруживается несколько довольно редких в древнеславянской письменности слов: **извьртѣти** (**очи**) «выколоть (глаза)», **омрачныи** «мрачный», **прѣкость** «противодействие», **прѣчитиса** «спорить, сопротивляться», **чесновитъкъ** «чеснок» [Лебедева 1988]. Переводчик Повести знал основу **ино-** в значении «тот же самый», ср. наречие **инодоушьно** ἀνευστί «не переводя духа, на одном дыхании» [Лебедева 1985: 198]. Примечательно название колючего растения **котыник**, по-видимому, являющееся болгаризмом [Пичхадзе 2000: 107]; помимо Хроники и Повести, оно встретилось только в Псалтыри с Толкованиями Феодорита Киррского и в Мучении св. Артемия, помещенном в Великих Четых Минеях митрополита Макария под 20 октября [ВМЧ Окт. 19—31: 1573—1633; позднейший перевод там же, 2065—2110].

Более ранние списки Мучения св. Артемия неизвестны; время перевода этого памятника с греческого не установлено. Однако краткая проложная статья на память св. Артемия в Юрьевском прологе XIV в. (РГАДА. Ф. 381, № 153, 74об.), судя по всему, основана на тексте, представленном в Великих Четых Минеях XVI в.

По словоупотреблению Мучение св. Артемия чрезвычайно близко Хронике Георгия Амартола и Повести о Варлааме и Иоасафе. Во всех трех переводах частотными являются слова **въшню** «совершенно», **искрь** «рядом, близ», многочисленные производные от **истовъ** «истинный, точный, достоверный» (**истовати**, **истовствовать** «оказываться правым», «подтверждать, удостоверять», **истовство**, **истовствник** «истина, точность, достоверность» и др.), **изащнь** «замечательный, выдающийся», **поустошь** «суетность, ложность» (и производные: **поустошныи** «суетный, ложный», **поустошьство** «суетность, ложность» и др.). Из менее частотных, но показательных общих лексем обращают на себя внимание **крѣхъть** «крошка, малая часть» [Истрин 1920: 325; Лебедева 1985: 252 с неверным словоделением **крох ти**; ВМЧ Окт. 19—31: 1621], а также **чиститель** (**честитель**) «священнослужитель» в Повести о Варлааме и Иоасафе и **чистительство** «священство» в Хронике Георгия Амартола и Мучении св. Артемия [Истрин 1920: 212; ВМЧ Окт. 19—31: 1616]. А. И. Соболевский считал, что слово **чистительство** указывает на восточноболгарское происхождение перевода Хроники Георгия Амартола [Соболевский 1910: 122—123], но этот термин был известен и на Руси, о чем свидетельствует его употребление в Вопрошании Кирика [Срз. III: 1529].

Из лексических схождений Мучения св. Артемия и Хроники Георгия Амартола показательны **прѣполовитиѣ** «достичь середины» [Истрин 1920: 49, 211, 258; ВМЧ Окт. 19—31: 1609], **гѣдовабель** «шелк» [Истрин 1920: 145] и **гѣдовабельный** [ВМЧ Окт. 19—31: 1591]. Интересен термин **блазньнага звѣзда** «планета» в Хронике [СДЯ XI—XIV III: 362] и **блазньникъ** «планета» в Мучении св. Артемия [ВМЧ Окт. 19—31: 1606], который больше нигде не зафиксирован: в других памятниках в этом значении обычно употребляется гречизм **планига**, в Хронике Малалы — **прѣхъоднага звѣзда** [Славова 1994].

В Мучении св. Артемия есть лексемы, которые следует признать болгаризмами: **вѣшню** [ВМЧ Окт. 19—31: 1592, 1597 и др.], **позоратан** «очевидец, свидетель» [ВМЧ Окт. 19—31: 1619], **отокъ** «остров». **Отокъ** в этом значении в древности встречается только в памятниках болгарского происхождения: книге пророка Иеремии, Толковом Апокалипсисе, Богословии Иоанна Экзарха, Поучениях Ефрема Сирина и Исаака Сирина [Срз. II: 759; СлРЯ XI—XVII 13: 289]; в русских памятниках, возникших после второго южнославянского влияния, это слово является церковнославянизмом. С другой стороны, некоторые лексические особенности памятника больше характерны для восточнославянских, чем для болгарских текстов: частое употребление глагола **радити** «устраивать, распоряжаться» [ВМЧ Окт. 19—31: 1582, 1631 и др.], наличие слов **оумѣвити** «уговорить» [ВМЧ Окт. 19—31: 1584, но **мѣва** «мятеж» 1582, 1621] и **оузрачный** «украшенный узором» (**оузрачник** «украшение» из переводных текстов отмечено только в Житии Андрея Юродивого и Повести о Варлааме и Иоасафе, полногласная форма **оузорчик** — только в оригинальных древнерусских текстах [Молдован 2000: 98—99]). Этим данным можно было бы не придавать особого значения, если бы в Мучении св. Артемия не встретился бесспорный русизм — **гридьствик** «дружба»: **гридьствіа**, **рек'ше люб'ве ѣтаріаѣ, ѣт' оуѣн філіаѣ** [ВМЧ Окт. 19—31: 1576; в позднейшей редакции **дружества**, **рекше любленіа**]. **Гридь** (о котором уже шла речь выше в связи с Хроникой Георгия Амартола) и его производные не фиксируются в древнерусских текстах после XIII в., что может служить косвенным датирующим признаком для перевода Мучения св. Артемия. Наличие в этом переводе по крайней мере одного несомненного русизма на фоне болгаризмов и лексическая близость к Хронике Георгия Амартола и Повести о Варлааме и Иоасафе представляются неслучайными, хотя небольшой объем памятника ограничивает возможности сопоставления. Лексический анализ дает основания предполагать, что все три текста созданы одним кругом переводчиков. По-видимому, к не-

му принадлежали болгарские книжники, работавшие в Киевской Руси — возможно, совместно с древнерусскими книжниками.

Опубликованные источники и литература

- Баранкова 1998 — Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского. Ранняя русская редакция / Изд. подг. Г. С. Баранкова. М., 1998.
- Верещагин 2000 — *Верещагин Е. М. Архистратига пожъ свѣтъло...* Древнейшая служба архангелу Михаилу // *Folia slavistica*. Рале Михайловне Цейтлин. М., 2000. С. 13—29.
- ВМЧ Окт. 19—31 — Великие Минеи-Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Октябрь. Дни 19—31. СПб., 1880.
- Водолазкин 1992 — *Водолазкин Е. Г.* Хроника Амартола в новонайденных списках // ТОДРЛ. 1992. Т. 45. С. 322—332.
- Водолазкин 1993 — *Водолазкин Е. Г.* Особенности текстологии ранних славянских переводов (на материале Хроники Георгия Амартола) // Хиледа и осемдесет години от смъртта на св. Наум Охридски. София, 1993. С. 242—249.
- Дурново 1925 — *Дурново Н. Н.* К вопросу о национальности славянского переводчика Хроники Георгия Амартола // *Slavia*. 1925. Roč. 4, seš. 3, S. 446—460.
- Дурново 1930 — *Дурново Н. Н.* Рец. на [Истрин 1930] // *Slavia* 1930. Roč. 9, seš. 4. S. 801—815.
- Златанова 1998 — *Златанова Р.* Книга на Двадесетте пророци с тълкования. Т. I / Старобългарският превод на Стария Завет. Ред. С. Николова. София, 1998.
- Истрин 1920, 1922, 1930 — *Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг. Т. I — 1920, II — 1922, III — 1930.
- Лавров 1925, 1926 — *Лавров П. А.* Георгий Амартол в издании В. М. Истрина // *Slavia*. 1925. Roč. 4, seš. 3. S. 461—484. 1926. Roč. 4, seš. 4. S. 657—683.
- Лебедева 1985 — Повесть о Варлааме и Иоасафе. Памятник древнерусской переводной литературы XI—XII вв. Подготовка текста, исследование и комментарий И. Н. Лебедевой. Л., 1985.
- Лебедева 1988 — Словоуказатель к тексту «Повести о Варлааме и Иоасафе», памятнику древнерусской переводной литературы XI—XII вв. Составитель И. Н. Лебедева. Л., 1988.
- ЛЕР — Летописец Еллинский и Римский. Т. 1. Текст / Изд. подг. О. В. Твороговым, С. А. Давыдовой. СПб., 1999.
- Молдован 2000 — *Молдован А. М.* «Житие Андрея Юродивого» в славянской письменности. М., 2000.
- Пичхадзе 1998 — *Пичхадзе А. А.* Языковые особенности древнерусских переводов с греческого // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998 г. М., 1998. С. 475—488.
- Пичхадзе 2000 — *Пичхадзе А. А.* Несколько редких древнеболгарских слов в древнейшем переводе «Повести о Варлааме и Иоасафе» // *Folia slavistica*. Рале Михайловне Цейтлин. М., 2000. С. 104—109.
- Розов 1925 — *Розов В.* Рец. на кн. М. Вейнгарта // *Slavia*. 1925. Roč. 4, seš. 2. S. 364—370.

- СДЯ XI—XIV I—IV, VI — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 1—4, 6. М., 1988—2000.
- Славова 1994 — *Славова Т.* За планетите и техните подредби в старобългарската книжнина // *Palaeobulgarica/Старобългаристика*. 1994. Т. XVIII, № 1. С. 68—73.
- СЛРЯ XI—XVII 1—24 — Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. 1—24. М., 1975—1999.
- Соболевский 1897 — *Соболевский А. И.* Особенности русских переводов домонгольского периода // Труды IX археологического съезда в Вильне. Т. 2. М., 1897. С. 53—61.
- Соболевский 1910 — *Соболевский А. И.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии // *СОРЯС*. 1910. Т. 88, № 3.
- Сперанский 1914 — *Сперанский М. Н.* История древней русской литературы. М., 1914.
- Срезневский 1867 — *Срезневский И. И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках // *СОРЯС*. 1867. Т. 1. С. 20—26.
- Срз. I—III — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I—III. СПб., 1893—1912.
- Станков 1994 — *Станков Р.* Славянский перевод Хроники Георгия Амартола в издании В. М. Истрина // *Palaeobulgarica/Старобългаристика*. 1994. Т. XVIII, № 1. С. 74—88.
- Творогов 1975 — *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975.
- Фасмер I—IV — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. М., 1986—1987.
- Франклин 1988 — *Франклин С.* К вопросу о времени и месте перевода Хроники Георгия Амартола на славянский язык // *ТОДРЛ*. 1988. Т. 41. С. 324—330.
- ЭССЯ 1—26 — Этимологический словарь славянских языков. М., 1974—1999.
- Bláhová 1999 — *Bláhová E.* Lexikální specifika staroslověnského přímějníku // *Slavia*. 1999. Roč. 68, seš. 2. S. 235—249.
- Bräuer 1959 — *Bräuer H.* Zur Frage der altrussischen Übersetzungsliteratur (Der Wert syntaktischer Beobachtungen für die Bestimmung der altrussischen Übersetzungsliteratur) // *Zeitschrift für slavische Philologie*. 1959. Bd. 27, Hf. 2. S. 322—347.
- Dostál 1963 — *Dostál A.* Slovanský překlad byzantské kroniky Georgia Hamartola // *Slavia*. 1963. Roč. 32, seš. 3. S. 375—384.
- Hauptová 1978 — *Hauptová Z.* Vývoj textu staroslověnského apoštola z hlediska lexikální analýzy // *Slavia*. 1978. Roč. 47, seš. 1. S. 23—29.
- Lunt 1996 — *Lunt H.* Proto-Slavic or Common Slavic versus Pan-Slavic. Morpho-lexical Puzzles of Early Slavic Written Dialects: I. *Slověnji*, II. *prošba*, III. (a) *vy-* (b) *vyiniti vynide-* // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 1996. T. 39/40. P. 279—298.
- Miklosich — *Miklosich Fr.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865.
- Weingart 1922—1923 — *Weingart M.* Byzantské kroniky v literatuře církevně-slovanské. I—II. Bratislava, 1922—1923.